

О. Ф. Русакова, С. П. Фатихов

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ХРОНОТОПА В ГУМАНИТАРНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

O. F. Rusakova, S. P. Fatihov

CONCEPTUAL MODELS OF CHRONOTOPE IN HUMANITIES AND POLITICAL STUDIES

Статья посвящена анализу концептуальных моделей хронотопа в гуманитарных и политических исследованиях. Основное внимание уделяется особенностям применения понятия хронотопа в научном творчестве М. М. Бахтина, Ф. Броделя, И. Валлерстайна, М. Кастельса, З. Баумана. Предметом специального рассмотрения выступают следующие модели политического хронотопа: ситуативная модель, этапно-поступательная модель, циклическая динамическая модель, геополитическая трансформативная модель.

Ключевые слова: *хронотоп, модели политического хронотопа, коммуникативное пространство.*

This article analyzes the conceptual models of chronotope in humanitarian and political studies. It focuses on features of the concept of chronotope in scientific creativity, M. M. Bakhtin, F. Braudel, I. Wallerstein, M. Castells, Z. Bauman. Subject of special consideration are the following models of political chronotope: a situational model, a watershed-translational model, the cyclical dynamic model, the geopolitical transformative model.

Keywords: *time-space, chronotope political model, the communicative space.*

Термин «хронотоп» происходит от греческих слов *chronos* — время и *topos* — место. В 1905 году великий математик Герман Минковский прочел доклад, где говорилось, что отныне время само по себе и пространство само по себе становятся пустыми химерами. Есть только время-пространство или пространство-время. А.Эйнштейн назвал это пространственно-временным континуумом. В научный оборот термин «хронотоп» был введен А. А. Ухтомским в контексте физиологических исследований и означал «закономерную связь пространственно-временных координат»¹. Ухтомский ссылается на Эйнштейна, упоминая «спайку пространства и времени» в концепции пространства Минковского. Однако он вводит это понятие в контекст человеческого восприятия: «с точки зрения хронотопа, существуют уже не отвлеченные точки, но живые и неизгладимые из бытия события»².

В современных гуманитарных исследованиях понятие хронотопа получило признание и довольно широкое распространение, прежде всего, благодаря М. М. Бахтину, который применил данный термин при анализе виртуальной реальности художественных произведений. Согласно Бахтину, понятием «хронотоп» (дословный перевод — «времяпространство») обозначается существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, представленных в различных литературных формах³. Литературный хронотоп, по Бахтину, является определенным способом освоения реального исторического бытия, выступает его художественным образом. Подчеркивая неразрывное единство пространственно-временных отношений не только

в художественных произведениях, но, что самое главное, — и в реальном историческом бытии, Бахтин отмечает, что время следует рассматривать в качестве четвертого измерения пространства. При этом в пространственно-временном континууме именно времени принадлежит роль ведущего начала⁴.

Важным методологическим элементом концепции хронотопа, предложенной Бахтиным, является вывод о том, что хронотоп как образ бытия всегда включает в себя ценностный момент. Хронотопическими ценностями, по Бахтину, выступают события, связанные со встречами разных субъектов, со столкновением их судеб. Столкновение и встречи — это точки завязывания и место совершения событий. «Здесь время как бы вливается в пространство и течет по нему (образуя дороги), — отмечает Бахтин, — отсюда и такая богатая метафоризация пути-дороги: «жизненный путь», «вступить на новую дорогу», «исторический путь» и проч.»⁵.

В культурологии понятие хронотопа применяется при исследовании процесса перехода в иное культурное пространство и время. Представления субъекта об иной культуре, возникшие в процессе ее освоения, трактуются как хронотоп Другого⁶. Отмечается, что в истории взаимодействия культур репрезентативным носителем образа Другого выступает фигура странника. Странник ассоциируется с дорогой и порогом, то есть, выступает символом выбора пути и перехода в другую реальность. Вариантом путешественника-странника является паломник. Паломник — олицетворение динамики перехода из одного культурного хронотопа в другой⁷.

Культурологической метафорой хронотопа выступает понятие «путешествие». Путешествие предполагает не только перемещение в географическом пространстве в течение определенного времени, но и расширение горизонтов сознания, возможность погружение в символическое пространство иного жизненного мира с его особыми ритмами, традициями и ритуалами.

Использование концепта хронотопа в исторических и политических исследованиях связано с представлением о необходимости методологического синтеза *темпорального* и *топологического* подходов в процессе изучения структурно-пространственной динамики разнообразных социально-политических образований и процессов.

Темпоральный подход предполагает применение диахронно-синхронного метода, соединяющего понятия диахронности и синхронности. Диахронность означает подход к предмету через «временные ряды», рассмотрение его в динамике, в контексте исторических ритмов, переходов, поворотных моментов, смены эпох и событийных рядов. Синхронность — рассмотрение предмета в «остановленном мгновении», в контексте конкретной ситуации, которая в зависимости от принятой типологии может характеризоваться посредством таких понятий как «обыденная», «кризисная», «революционная», «переходная», «конфликтотенная» и т. п.

Топологический подход связан с анализом мест локации (локусов) и топосферы исследуемого объекта, с изучением способов его позиционирования в различных видах пространств (географическое, экономическое, геополитическое, государственное, культурное, информационное, коммуникативное, символическое и т. д.).

В исторической науке идея хронотопа получила развитие в творчестве Фернана Броделя — одного из ведущих научных деятелей широко известной французской школы «Анналов». Важным нововведением Ф. Броделя стало понятие «большая длительность», трактуемое как протяженное историческое время, в рамках которого жизнедействует и развивается такой сложно-структурированный общественный организм как цивилизация.

Моделирование исторического бытия цивилизации осуществлялось Броделем посредством соединения структурного и темпорального подходов, представленных концепцией развертывания в большом времени макроструктур цивилизационного пространства. В 1979 г. Бродель выпустил трехтомный фундаментальный труд «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв.», в котором показал, какие изменения, связанные с развитием капитализма, претерпевали на протяжении длительного времени экономические, социокультурные, политические и коммуникационные системы в исторически разворачивающемся цивилизационном пространстве Средиземноморья.

Бродель разработал также типологию цивилизационного хронотопа, проведя дифференциацию между неустойчивыми, лежащими на поверхности структурными образованиями кратковременной длительности, которые были обозначены им понятием «конъюнктура», и «структуры большой дли-

тельности». Структуры большой длительности являются объемными, обладают культурной глубиной и регионально-географической широтой, сохраняют внутренний порядок своего функционирования на протяжении жизни нескольких поколений людей⁸. Об этих новых темпорально-пространственных крупных исторических объектах, называемых цивилизациями, сам Бродель писал следующее: «Я верю в реальность очень медленной истории цивилизаций в их первозданных глубинах, в их структурных и географических параметрах. Без сомнения, цивилизации в их наиболее ценных проявлениях смертны; они ослепительно сверкают, а затем умирают только для того, чтобы расцвести вновь в иных формах. Однако такие драматические перемены редки, менее часты, чем думают многие люди. Они не разрушают все без разбору. В любом регионе любой цивилизации социальная сущность может не раз и не два измениться почти полностью, не затронув при этом глубинные структурные характеристики, которые по-прежнему будут разительно отличать ту или иную цивилизацию от соседних с ней»⁹.

В целом, в своих исторических исследованиях Бродель использовал хронотопную схему, включающую три уровня устойчивости исторических объектов. Таковыми выступают *события*, *конъюнктуры* и устойчивые *структуры большой длительности*. Самыми мимолетными и неустойчивыми в историческом хронотопе являются события. Рассмотрение истории как серии многочисленных, следующих друг за другом событий, — наиболее распространенный способ осмысления исторического процесса. Однако событийно-серийный подход, по мнению Броделя, не позволяет разглядеть за конкретными событиями гораздо более масштабные исторические движения крупных общественных организмов. Поэтому событийный подход к осмыслению истории должен уступить место системно-структурному подходу, выделяющему структуры малой и большой длительности. Историческими структурами малой длительности и низкой устойчивости выступают конъюнктуры (аналоги экономической конъюнктуры), а структурами большой длительности с высокой степенью устойчивости являются цивилизационные структуры, развивающиеся в пространстве и времени.

Хронотопная модель развития цивилизаций, разработанная Броделем, содержала в себе элементы методологии мир-системного анализа, который сегодня широко применяется в теории международных отношений и в работах по проблемам глобализации. Целостные исторические образования подразделялись им на мини-системы (небольшие целостности), мир-империи (крупные политические структуры) и мир-экономики. Мир-экономики, по Броделю, порождают мир-системы. Мир-система рассматривается как определенное органичное единство, представляющее собой сложную коммуникативную систему внутренних обменов и сеть несимметричных отношений, имеющую узлы и зоны доминирования, господствующих и подчиненных взаимовлияний. Мир-система развивается и функционирует в относительно едином для своих структур потоке временных ритмов. В основе данной ритмики лежит

фундаментальная «вековая тенденция» движения социума, называемая трендом.

Внутренний темпо-ритм мир-системы, по Броделю, осуществляется посредством смены мирового лидера, выполняющего роль гегемона в развитии мировой экономики. В истории капиталистической экономики Бродель выделяет четыре мир-системных перехода, связанных со сменой экономического лидера: 1) от Венеции (город-центр) к Антверпену; 2) от Антверпена к Амстердаму; 3) от Амстердама к Лондону; 4) от Лондона к Нью-Йорку.

Броделевская концепция мир-системы как модели глобального социально-исторического хронотопа получила свое дальнейшее развитие в работах американского исследователя Иммануила Валлерстайна, который после смерти Броделя в 1985 г. создал и возглавил в университете штата Нью-Йорк научный Центр по изучению экономических и исторических систем и цивилизаций им. Ф. Броделя.

У Валлерстайна современная мир-система капитализма рассматривается через призму хронотопного напряженного взаимодействия трех ее структурных компонентов — «ядра», «периферии» и «полупериферии», репрезентирующих место и роль различных стран в развитии глобальной мир-экономики. К ядру относятся государства-гегемонисты, осуществляющие контроль над мировой экономической системой, что позволяет им эксплуатировать ресурсы государств, относящихся к периферии и полупериферии мирового экономического пространства.

Мир-системный анализ Валлерстайна — это, по сути, теоретико-методологический проект, призванный дать ответ на ряд фундаментальных вопросов современного обществознания, среди которых отдельным пунктом обозначен вопрос о хронотопе, а именно, вопрос о том, «каким образом в социуме организуется пространственно-временной континуум»¹⁰. Данная проблема интересовала Валлерстайна также в контексте синергетического подхода, который он стремился вписать в свою концепцию пространственно-временной динамики¹¹.

Синергетическая модель хронотопа опирается на различные теории неустойчивого развития открытых самоорганизующихся систем (теории нелинейной динамики, хаоса, катастроф¹²). С позиции синергетики главенствующую роль в окружающем мире играют не порядок, стабильность и равновесие, а неустойчивость и неравномерность, то есть все системы непрестанно флуктуируют, иначе говоря, находятся в состоянии постоянного колебания. В процессе колебания система как целостность начинает разрушаться. В результате усиления флуктуации возникает особого рода хронотопическая ситуация, характеризующаяся неопределенностью и обозначаемая понятием «точка бифуркации». Когда система оказывается в точке бифуркации, становится невозможным определить, распадется ли система окончательно или, мобилизовав ресурсы, перейдет в качественно новое относительно устойчивое состояние.

Наряду с мир-системным и синергетическим подходами к изучению социального хронотопа в современных гуманитарных и социально-политиче-

ских исследованиях активно применяется коммуникативно-информационный подход. Данный подход акцентирует внимание на таком свойстве современных коммуникативно-информационных технологий как сжатие пространства и времени. Современный рост мобильности социальных субъектов, происходящий благодаря развитию высокоскоростных средств объективно-пространственной коммуникации (транспортная сеть) и виртуальной коммуникации (электронные СМИ, Интернет, сотовая связь, смартфон и т. п.), сжимает пространство и время, формируя тем самым хронотоп особого рода — коммуникативно-сетевой. Хронотоп сетевой коммуникации представляет собой систему интерактивных коммуникативных взаимодействий, осуществляемых в пространстве сетевых сообществ. Хронотоп данного свойства стал предметом специального анализа в фундаментальном труде Мануэло Кастельса «Информационная эпоха: экономика, общество и культура»¹³. М. Кастельс выдвигает гипотезу о том, что в сетевом обществе пространство и время трансформируются под влиянием информационно-технологической парадигмы, в результате чего возникает новая пространственная логистика, обозначаемая им понятием «пространство потоков». «Под потоками, — пишет Кастельс, — я понимаю целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействий между физически разъединенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества»¹⁴. Доминирующие социальные практики встроены в доминирующие социальные структуры. Основными сетевыми узлами пространства потоков, по Кастельсу, выступают центры информационно-технических инноваций, экономических и культурных обменов, распределения административной и политической власти. Другими словами, сетевая архитектура пространства коммуникативных потоков — это кристаллизация времени и констелляция власти современной информационной эпохи, это арена, где разыгрываются интересы и ценности социальных групп.

Все наше современное общество, утверждает Кастельс, построено вокруг потоков — потоков капитала, информации, технологий, организационного взаимодействия, изображений, звуков и символов. Пространство потоков есть материальная организация материальных практик в разделенном времени, работающем через потоки.

Современное общество, по убеждению Кастельса, ассиметрично организовано вокруг доминирующих интересов и доминирующих хронотопов. На одном социальном полюсе — хорошо организованные элиты, контролирующие широкие сети хронотопов (пространственно-временных потоков) и потому доминирующие в социально-коммуникативном пространстве и времени. На другом — дезорганизованные массы, чьи хронотопы локальны и блокированы социальными практиками элит. Стратегия элит — тщательная изоляция своей пространственно-временной среды и сохранение контроля над пространственно-временными потоками разного рода капиталов. Стратегия оппозици-

онных элите масс — расширение пространственно-временных коммуникаций вплоть до слома иерархической архитектуры хронотопа. Максимальное включение народных масс в управление пространственно-временными потоками приведет в итоге к ликвидации коммуникативных барьеров и к возникновению качественно нового хронотопа — экстра-временного (мгновенно-коммуникативного) или вневременного¹⁵.

Особенности хронотопа эпохи постиндустриального общества стали предметом специального теоретического исследования Зигмунда Баумана — автора известной книги «Текущая современность». Бауман обратил внимание на то, что в информационном постиндустриальном обществе происходит не только сжатие пространства и времени в связи со стремительным ростом коммуникативной мобильности социальных субъектов, но также утрата жесткости иерархических социально-политических структур и институтов, которые в индустриальную эпоху воспроизводили хронотоп фордистского типа. Для фордистского хронотопа характерна жесткая привязанность капиталов и субъектов к определенному месту в пространстве национальной экономики и политике, рационализированное время производственных и иных отношений. Главные ценности фордистского мира — долговременные и устойчивые связи, надежность, рациональность, предсказуемость, отсроченное потребление и удовольствие.

В информационную эпоху фордистскому хронотопу противостоит хронотоп текучей современности, представляющий собой такую картину мира, где господствуют неустойчивые пространственно-временные процессы обмена капиталов, постоянные изменения рыночной конъюнктуры, постоянные риски безработицы, гибкие трудовые и иные отношения, мимолетность контактов и незамедлительное удовлетворение потребностей¹⁶. «Гибкость», — отмечает Бауман, — на сегодняшний день модное словечко. Оно предвещает рабочие места без гарантий стабильности, устойчивых обязательств или будущих прав, предлагая не более чем контракт на определенный срок или возобновляющиеся контракты, увольнение без уведомления и никакого права на компенсацию. Поэтому никто не может чувствовать себя действительно незаменимым... При отсутствии долгосрочной безопасности «мгновенное вознаграждение» выглядит как разумная стратегия. Независимо от того, что может предложить жизнь, пусть это будут предложено *hic et nunc* — немедленно»¹⁷.

Хронотоп текучей современности формирует соответствующий ему стиль жизни. «Ненадежные экономические и социальные условия, — отмечает Бауман, — учат людей (или заставляют их изучить трудный способ) воспринимать мир как контейнер, полный объектов для одноразового использования; весь мир, — включая других людей»¹⁸. Ключевым принципом данной жизненной стратегии выступает принцип «здесь и сейчас».

В политологии центральным понятием, репрезентирующим политический хронотоп, выступает категория «политический процесс». Политический процесс можно определить как развертывание

политики во времени и в пространстве в виде упорядоченной последовательности действий и взаимодействий¹⁹. Политический процесс является динамической характеристикой политики. Формой его существования являются политические изменения, определяемые понятием «политическая динамика».

В политологии проблематика взаимосвязи политического пространства и времени стала разрабатываться сравнительно недавно. В рамках пространственно-временных политологических исследований сегодня выделяют такие отрасли как геополитика, хронополитика и политическая география²⁰.

Сегодня в отечественной политологии все чаще говорят о необходимости учета хронополитического измерения при анализе тех или иных политических процессов. Так, М. В. Ильин отмечал, что политика существует только во времени и никак иначе. При этом само политическое время многолико. У него одна логика, когда мы следим за ходом дебатов и бегом секундной стрелки, другая — когда вспоминаем и осмысливаем поворотные моменты и векторы политических изменений, третья — когда приходится оценивать уровни сложности политических систем и институтов, мысленно обобщая накопленный потенциал и воссоздавая пути их развития²¹.

В целом, политическое время имеет следующие основные характеристики: 1) скорость политических изменений и преобразований; 2) конфигурация процессуальных политических ритмов (линейные, циклические и волновые политические процессы); 3) политическая синхронность и диахронность; 4) дискретность политического времени (событийность, этапность, периодичность); 5) длительность существования политических организмов, институтов, систем; 6) вероятностно-альтернативный, сценарный характер политического будущего; 7) диффузия образов историко-политического прошлого в политическом процессе современности (предметная область исторической политики)²².

Управление политическим временем и теоретическое изучение политического времени — главные задачи хронополитики²³. Как специфическая отрасль политической науки хронополитика предполагает изучение широкого круга проблем: онтологические характеристики политического времени; восприятие исторического времени в политике; построение теоретических моделей развития мировой политики; изучение состояний модерна и постмодерна в политике; конструирование теорий политической транзитологии и др.

Разнообразные параметры политического времени, рассматриваемые с позиции соответствующих им структурно-пространственных характеристик политических процессов, образуют различные модельные образы политического хронотопа.

С нашей точки зрения, можно выделить следующие модели политического хронотопа: 1) модель ситуативного политического хронотопа; 2) модель этапно-поступательного политического хронотопа; 3) циклическая динамическая модель политического хронотопа; 4) геополитическая трансформативная модель хронотопа.

Ключевым критерием дифференциации политических хронотопов выступает пространственно-временной масштаб изменчивого политического процесса, который часто фиксируется только профессиональным взглядом. Как пишет М. Ильин, «изменение хронополитического масштаба требует расширения угла обзора Повседневности и Истории, а в результате этого — установления политических изменений. Необходимо не просто видеть отличия друг от друга однопорядковых действий и событий, их естественное варьирование, о котором уже шла речь. Требуется нечто большее: преодоление наивной веры, что факт политического изменения является через очевидные всем новации»²⁴.

Специфическая структурная модель *ситуативного политического хронотопа* включает как систему сложившихся к данному моменту политических сил и особенностей их соотношений, так и реально открывающиеся возможности для реализации определенных политических стратегий. Иначе говоря, ситуативный хронотоп — это всегда открытая система, включающая некий набор альтернативных политических возможностей для политических субъектов. Обладая навыками ситуативного политического анализа, можно сконструировать теоретическую модель политической ситуации, сделать определенный прогноз ее развития, выявить различные варианты ее исхода, а также благоприятные моменты для реализации определенной стратегии. Так, в свое время В. И. Ленин, разработав теоретическую модель революционной ситуации (знаменитая формула: «верхи» не могут, а «низы» не хотят), смог точно определить время для успешного проведения большевиками вооруженного восстания в октябре 1917 года.

Современные политические технологии позволяют не только реализовывать внутренние возможности, открываемые политической ситуацией перед заинтересованными в определенном ее исходе политическими субъектами, но и формировать в политико-практическом плане сами политические ситуации. Такое ситуативное конструирование было, в частности, применено при разработке сценариев «цветных революций» на постсоветском пространстве.

Этапно-поступательная модель политического хронотопа выступает — конструктом такого политико-исторического процесса, который обладает одновременно свойствами историко-политической целостности, качественной определенности, относительной завершенности и интенциональности. Говоря об историко-политическом этапе, обычно имеют в виду не только хронологический отрезок времени, но и специфический способ политического бытия общества в целом или конкретного политического субъекта в рамках данного отрезка времени, прежде чем наступил поворотный момент вступления данного субъекта в последующий этап развития. В основе данной модели политического хронотопа лежит концепт «развитие» как диахронная гипотеза, которая предполагает, что при достижении определенного качественного состояния политического организма (государство, нация, гражданское общество, партия, социально-политическая общность) открываются новые горизонты для реализации заложенных в нем интенций. Так, например, в политической истории

России выделяются этапы реформ и контрреформ, модернизации и застоя, этапы усиления авторитаризма и этапы либерализации. При этом предполагается, что каждый из этапов выстраивает систему политической жизни России в новую векторную конфигурацию, задает ее развитию новый импульс.

Циклическая динамическая модель политического хронотопа в отличие от этапно-поступательной модели выносит за скобки гипотезу развития, ставя во главу угла концепт динамической цикличности. Данный концепт предполагает существование политических циклов следующих видов: 1) легитимные циклы политических кампаний (избирательных, инаугурационных, государственно-праздничных); 2) исторические циклы сменяемости субъектов власти (например, «политические качели» в смене партий власти); 3) циклические переходы от одного политического режима к другому (например, от демократии к авторитаризму и обратно). Конкретные модели циклического режимного перехода представлены в концепции волн демократии С. Хантингтона²⁵, в концепции автократии А. Янова²⁶, в концепции моносубъектной цикличности системы русской власти Ю. С. Пивоварова и А. И. Фурсова²⁷.

Геополитическая трансформативная модель хронотопа является наиболее масштабной проекцией, отражающей глубокие системные изменения, происходящие в пространстве жизнедеятельности крупных политических субъектов. Данная модель описывает трансформационную динамику политической жизни таких политических организмов как империи и колонии, сверхдержавы и их сателлиты, трансатлантические корпорации и межгосударственные союзы. Примером глобальной геополитической модели хронотопных трансформаций в современную эпоху можно считать структурно-динамическую модель перехода от двухполярного политического мира к монополярному (сразу после распада СССР), а затем — усиление интенции перехода к модели многополярного мира (в настоящее время).

Появление в обществе новых политических сообществ, движений и процессов обязательно приводит к появлению новых модельных конфигураций политического хронотопа. Как справедливо отмечает Д. Замятин, «все новые формы политической организации обычно предлагали и новые пространственно-временные размерности, геополитически консолидировавшие окружающий мир и создававшие соответствующие геополитические представления»²⁸.

Новые конфигурации политического хронотопа находят свое воплощение в разных формах политического обмена — утилитарного, символического, социального, а также — в архитектуре различных типов политических коммуникаций, связанных с применением технологий *hard power* и *soft power*²⁹. Кроме того, политический хронотоп реализуется в определенном дизайне и взаимодействии конкурирующих акторов политического рынка. Метафора политического рынка позволяет выявить новые, ранее не исследованные грани политического хронотопа³⁰, соединить хронотопологический анализ с анализом стратегий маркетинговых и массмедийных коммуникаций.

Примечания

1. Ухтомский А. А. Доминанта. — СПб., 2002. — С. 347.
2. Там же. — С. 342.
3. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. — М., 1975. — С. 234.
4. Там же. — С. 236.
5. Там же.
6. Суковатая В. А. Путешествие. Культурно-антропологический хронотоп Другого // Человек. — 2010. — № 2. — С. 48—64.
7. Там же. — С. 51—52.
8. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории : сб. статей / общ. ред. и вступ. статья профессора И. С. Кона. — М., 1977. — С. 123—124.
9. Цит. По: Ревель Ж. История и социальные науки во Франции: на примере эволюции школы «Анналов» // Новая и новейшая история. — 1998. — № 5. — С. 97.
10. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / пер с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. — М., 2003. — С. 267.
11. См.: Валлерстайн И. Изобретение реальностей времени-пространства: к пониманию наших исторических систем // Время мира: альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций. — Вып. 2: Структуры истории. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 2001.
12. См.: Назаретян А. П. Синергетика в гуманитарном знании: предварительные итоги // Общественные науки и современность. — 1997. — № 2; Бранский В. П. Социальная синергетика как постмодернистская философия истории // Общественные науки и современность. — 1999. — № 6; Сапронов М. В. Концепции самоорганизации в общественном знании: мода или насущная необходимость? (Размышления о будущем исторической науки // Общественные науки и современность. — 2001. — № 1 и др.
13. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. — М. : ГУ-ВШЭ, 2000.
14. Там же. — С. 402.
15. Там же. — С. 446.
16. Бауман З. Текучая современность / пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. — СПб. : Питер, 2008. — С. 173.

17. Там же. — С. 174.
18. Там же. — С. 175.
19. См.: Баранов Н. А. Политические отношения и политический процесс в современной России. — СПб., 2004. — С. 7.
20. Чихарев И. А. Проблематика политического пространства и времени в современной политологии и международных исследованиях // Политическая наука. — 2009. — № 1. — С. 7.
21. См.: Ильин М. В. Ритмы и масштабы перемен (о понятиях «процесс», «изменение» и «развитие» в политологии) // Полис. — 1993. — № 2.
22. См.: Миллер А. Россия: власть и история // Pro et Contra. — 2009. — № 3—4 (46).
23. Основные задачи хронополитики рассмотрены в работах И. А. Чихарева. См.: Чихарев И. А. Хронополитические исследования: опыт синтеза // Полис. — 2003. — № 6; Чихарев И. А. Хронополитика: развитие исследовательской программы // Полис. — 2005. — № 3.
24. Ильин М. В. Хронополитическое измерение: за пределами повседневности и истории [электронный ресурс] // Русский гуманитарный интернет-университет. URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/ilin_hronopolitical_measure/ (дата обращения: 22.03.2011).
25. См.: Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. — М. : РОССПЭН, 2003.
26. См.: Янов А. Истоки автократии // Октябрь. — 1991. — № 8.
27. См.: Пивоваров Ю. С., Фурсов А. И. Русская Власть и Реформы // Pro et Contra. — 1999. — Т. 4. — № 4.
28. Замятин Д. Феноменология географических образов [электронный ресурс]. URL: http://geography.in.ua/readarticle.php?article_id=2 (дата обращения: 22.03.2011).
29. См.: Русакова О. Ф. Дискурс Soft Power в современных коммуникациях // Лингвистика, перевод, дискурс межкультурной коммуникации : мат-лы XII междунар. науч.-практ. конф. / НОУ ВПО «ИМС». — Екатеринбург, 2010. — С. 96—106.
30. См.: Нежданов Д. В., Русакова О. Ф. Метафора «политический рынок» как дискурсивный компонент и теоретико-методологическая основа современных политических исследований // Полития. — 2009. — № 4. — С. 185—195.

Поступила в редакцию 24 июля 2011 г.

РУСАКОВА Ольга Фредовна, доктор политических наук, профессор, зав. отделом философии и права, Институт философии и права УрО РАН. Автор более 200 работ. Специалист в области теории дискурса и дискурс-анализа, современной политической философии и теории PR-коммуникаций, президент Международной академии дискурс-исследований, главный редактор научно-практического альманаха «Дискурс-Пи». E-mail: vek@susu.ac.ru

RUSAKOVA Olga Fredovna, Doctor of Political Sciences, professor, head. Department of Philosophy and Law Institute of Philosophy and prpava UB RAS. Author of more than 200 works. A specialist in the theory of discourse and discourse analysis of contemporary political philosophy and theory of PR-communications, the president of the International Academy of discourse studies, «editor in chief of the scientific and practical anthology» The discourse of Pi ». E-mail: vek@susu.ac.ru

ФАТИХОВ Сергей Павлович, аспирант факультета политологии и социологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. E-mail: vek@susu.ac.ru

FATIHOV Sergey Pavlovich, PhD student Department of Political Science and Sociology Uralskiyo Federal University of the first Russian President B. N. Yeltsin. E-mail: vek@susu.ac.ru